

Линии судьбы: однокурсники Владимир Вернадский и Петр Столыпин*

М.Ю.Сорокина,

кандидат исторических наук

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва

Личный архивный фонд В.И.Вернадского содержит два письма-автографа министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина (1862—1911) ученому, датированные началом мая 1906 г. [1, 2]. Однако они не исчерпывают эпистолярный диалог двух выдающихся представителей российской дореволюционной элиты. В архиве сохранился и трехстраничный черновик письма от 26 октября 1908 г. Вернадского Столыпину, уже председателю Совета министров, впервые опубликованный (с купюрами) С.Р.Микулинским в 1990 г. в одной подборке с другими обращениями Вернадского к лидерам высшей российской и советской государственной власти — С.Ю.Витте, И.В.Сталину, В.М.Молотову, А.Я.Вышинскому, Л.П.Берии и др. [3]. Кроме того, имя Столыпина неоднократно, хотя и не часто по сравнению с именами других политических и общественных деятелей, встречается в дневниках, переписке и публицистике академика.

Как известно, пик общественно-политической карьеры профессора Московского университета Вернадского (одного из основателей и члена ЦК Конституционно-демократической партии, члена Государственного совета Российской империи от Академии наук и университетов, участника антиправительственных акций [4]) пришелся на годы премьерства Столыпина. Друг Вернадских, историк и член ЦК Кадетской партии А.А.Корнилов вспоминал, что «у них в доме сосредоточивались и секретариат Конституционно-демократической партии, и секретариат городского комитета, и своего рода центр по части всяких университетских дел и вопросов» [5].

Стержневая тема дневников Владимира Ивановича за 1905—1917 гг. (опубликованы пока лишь их

фрагменты [6]) — власть и общество. Как преодолеть трагический и губительный для судеб России разрыв между самодержавием, Двором, царским правительством и различными общественными силами? Этот вопрос безуспешно пытались решать и наиболее дальновидные деятели правительства, и другие участники общественной драмы — лидеры политических партий, студенчество, представители национальных меньшинств Российской империи. Любопытно, однако, что Вернадский, который всю жизнь вел подробные дневники, ни одной записи этого периода не посвящает специально Столыпину и его политике. Между тем его фигура, несомненно, присутствует на страницах дневников отраженным светом.

Так, именно в дневнике 1905 г. Владимир Иванович впервые упоминает В.И.Ленина как перспективного лидера всероссийского значения. 17 ноября 1905 г., в разгар общенационального политического кризиса, он записал: «Всюду чувствуется большая реальность попытки осуществить республику. Кто же может быть выставлен как кандидат президента из [социал]-д[емократов]? Ленин?» [7. Оп.2. Д.4. Л.133]. О непосредственных контактах ученого с лидером большевиков до сих пор ничего неизвестно: «Я его почти не знал — встречался, но очень мало, и даже не осталось у меня о нем воспоминаний» [8]. Между тем с членами семьи Ульяновых Вернадский был знаком с 1880-х годов — времени учебы в Петербургском университете, где в студенческом научно-литературном обществе он сотрудничал с братом будущего лидера большевиков, Александром Ульяновым. В это же время Вернадский возглавлял Совет объединенных землячеств — нелегальную студенческую организацию, членами ЦК которой были и будущие участники покушения на императора Александра III (1 марта 1887 г.) А.Ульянов, И.Лукашевич, П.Шевырев. «Я потом понял, — писал ученый, — что Ульянов организовал правильные свидания своей организации в нашем заседании» [9].

Впоследствии Вернадский неоднократно давал самые лестные оценки Ленину как государственному деятелю; в автокомментарии к дневнику

* Журнальный вариант. Полностью статья опубликована в материалах Международной научно-практической конференции «П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России. К 100-летию со дня гибели П.А.Столыпина». Москва, 28—30 сентября (М., 2012. С.349—363).

1905 г. он констатировал: «Среди блестящей интеллигенции [дореволюционного прошлого] государственных людей, какими оказались Ленин и Сталин, не было ни одного. Мог быть И.И.Петрункевич — но он уже был болен и стар, особенно после Выборгского воззвания. Может быть, Кокошкин» (запись 12 июня 1942 г.) [7. Оп.2. Д.4. Л.136]. В другом месте академик особо подчеркнул свое согласие с рядом политических выводов пролетарского вождя: «Замечательна оценка В.И. Ульяновым-Лениным периода 1904—1910 гг., данная им 23.XII.1910 г. в “Звезде” №2, 5 января 1911 г.» [7. Оп.2. Д.39. Л.4].

Наиболее развернутую характеристику Ленина и его роли в истории России Вернадский дал в 1929 г. в неподцензурном письме сыну, историку Г.В.Вернадскому, где отмечал: «Этот человек совершил — в короткую жизнь — колоссальное изменение в жизни страны. Играла большую роль воля, были, конечно, и благоприятные обстоятельства (в том числе отсутствие равноценных противников), но и личность сыграла роль — личность организатора. У Ленина был своеобразный государственный ум, и, может быть, смерть его в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась на русской жизни. Но у него не было творчества, и мысль его мне представляется неинтересной. И в то же время этот человек накладывает на страну и вносит в человечество не только свою политическую веру, но и свою философскую мысль — определенную форму материализма, борьбу с эмпириокритицизмом» [8].

Подобных позитивных высказываний Владимира Ивановича о Столыпине найти невозможно, хотя, вероятно, минимальное упоминание его имени в своих дневниках — это оборотная сторона обширной публицистики Вернадского периода 1906—1911 гг. В многочисленных в оппозиционной прессе с характерными названиями («Террор и устрашение»; «Политическая вина министерства Столыпина» и др. [10]), он постоянно обращался к анализу

Премьер-министр П.А.Столыпин.

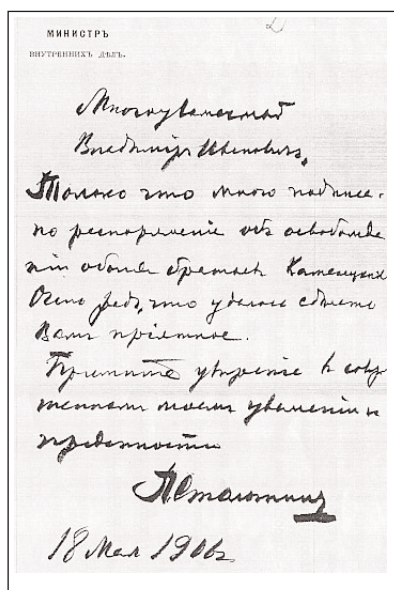
внутренней политики Столыпина и членов его кабинета, оценивая результаты их государственной деятельности как исключительно негативные для развития страны и российского общества в целом.

Характерный пример такой жесткой нелицеприятной оценки содержится в письмах Вернадского жене, Наталье Егоровне (1862—1943), которые на протяжении многих лет фактически были его параллельным дневником. В письме от 11 июля 1906 г., написанном сразу после возвращения из Выборга, где состоялось совещание членов разогнанной I Государственной думы, Вернадский провидчески заметил: «Я думаю, что теперь начнется борьба, которая в конце концов может вызвать гораздо более коренное изменение

строю России, чем предвиделось несколько недель тому назад. Сделано это, я думаю, по невежеству и полному отсутствию государственного смысла. Столыпин нанес монархии или по крайней мере династии более сильный удар, чем все революционеры вместе взятые» [11].

Несмотря на резко отрицательное отношение к деятельности Столыпина, его убийство в сентябре 1911 г. вызвало у Владимира Ивановича чувство глубокого неприятия. Уже 2(15) сентября 1911 г. он откликнулся на киевское покушение в письме жене из Берлина: «Как печально кончается Столыпин. Как ужасно и отвратительно убийство — я с ним примириться не могу. Но смерть Столыпина для России безразлична» [12. С.84]. Еще через неделю, 9(22) сентября, Вернадский констатировал: «На меня убийство Столыпина тяжело подействовало, тем более что я лично его знал... Признавая все отрицательное значение его деятельности, я вижу впереди начало тяжелого: кровь родит кровь, и Столыпин это испытал, и испытают его противники... Выход может быть один — настоящее правовое устройство, но будет оно стоить крови...» [12. С.87—88].

Удивительно, но факт личного знакомства Вернадского и Столыпина не показался важным их биографам и не отмечался ими. Только в самые по-

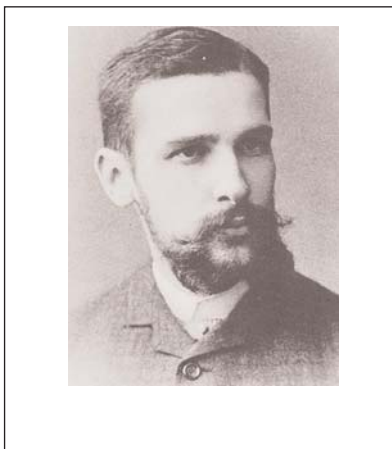
Черновик письма Столыпина Вернадскому. Май 1906 г.

следние годы появились сведения, что ученый и политик были однокурсниками. Они учились в 1881—1886 гг. на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Об этом общем прошлом только что назначенный министр внутренних дел Столыпин робко напомнил Вернадскому в письме от 7 мая 1906 г., которым отвечал на ходатайство профессора и члена Государственного совета об арестованных студентах Московского университета: «Милостивый государь Владимир Иванович. Немедленно прикажу доложить себе дело Каменецких и сделаю все возможное в пределах справедливости и возможности. Очень Вам благодарен, что Вы обратили внимание мое на столь исключительный случай, и жалко, что не виделись с Вами, тем более что, как мне кажется, мы были с Вами в Петербургском университете не только одновременно на одном факультете, но и на одном курсе. Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности. П.Столыпин» [7. Оп.3. Д.1579. Л.1]. Еще через 10 дней, 18 мая 1906 г., Столыпин столь же дружески сообщил:

«Многоуважаемый Владимир Иванович. Только что мною подписано распоряжение об освобождении обоих братьев Каменецких. Очень рад, что удалось сделать Вам приятное. Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности. П.Столыпин» [7. Оп.3. Д.1579. Л.2].

Эти письма могли бы так и остаться частным делом корреспондентов или эпизодом из истории российского общественного движения, демонстрирующим заботу либеральной профессуры о студентах. Однако они имели более широкий и существенный исторический контекст, отражая циркуляцию идей, решений и кадров внутри новой российской (в том числе политической) элиты на рубеже XIX—XX вв., ее внутренние связи и их основания. Многие из этих проблем остаются актуальными для современного российского общества, не в последнюю очередь и потому что исторические традиции и особенности формирования и быта российской элиты в предреволюционные годы недостаточно изучены, а нередко мифологизированы и искажены.

Ключ к истории взаимоотношений Вернадского и Столыпина в период министерства последне-

П.А.Столыпин и В.И.Вернадский в студенческие годы.

го — в дневниковой записи академика от 14 апреля 1938 г. Она приоткрывает неизвестный в историографии факт близкого знакомства в юности двух знаменитых в будущем известнейших людей России: «Виделся с Книповичем, старым другом на первом курсе естественного [отделения Петербургского университета] 1881 [года]. — записал Вернадский. — Тогда [мне были особенно близки] Оболянинов и он — кроме друзей по гимназии Краснова и Ремезова. Еще Столыпин, Шнитников — но это на 2-м курсе» [13].

Если в биографии Столыпина студенческие годы до сих пор остаются одним из наименее освещаемых и анализируемых периодов его жизни, то в биографиях Вернадского они предстают как время формирования либерального общественного деятеля — участника Ольденбургского кружка, Братства (куда входили Д.И.Шаховской, братья Ольденбурги, А.А.Корнилов и др.) и Совета объединенных землячеств. И даже в студенческом научно-литературном обществе Петербургского университета* Вернадский и его друзья пытались объединить студенчество вокруг

научной работы (в противовес группе молодых людей, стремившихся связать деятельность общества с государственными интересами). Государственная служба и государственная карьера уже тогда многими из них рассматривались как недостойные для свободно мыслящего человека поприще, что весьма отличало их от западноевропейских современников.

Все упомянутые выше в дневниковой записи товарищи Вернадского предпочли общественную и научную деятельность государственной. Все, кроме Петра Столыпина, поступившего на службу по ведомству Министерства государственных имуществ, а затем и в Министерство внутренних дел.

Медик Евгений Иванович Ремезов (1862 — ок. 1923) служил при медицинских и благотворительных учреждениях в Петербурге. Правовед Лев Александрович Оболянинов (1861—1925?) мно-

* Существовало всего пять лет — с 1882 по 1887 г., однако 12 его членов стали академиками (в том числе Ф.Ю.Левинсон-Лессинг, В.И.Вернадский, С.Ф.Ольденбург и др.), а более 40 — профессорами.

гие годы избирался гласным Петербургского губернского земства. Андрей Николаевич Краснов (1862—1914), географ по призванию и складу научного мышления, страстный путешественник, основатель Батумского ботанического сада, хотя и получил профессорство в Харьковском университете, значительной научно-административной карьеры не сделал. Николай Михайлович Книпович (1862—1939), напротив, стал одним из ведущих российских зоологов, членом-корреспондентом (1927) и даже почетным членом АН СССР (1935). Этому, несомненно, способствовало его богатое революционное прошлое. Дважды, в 1887 и 1896 гг., он был арестован. В июне 1907 г. Ленин и Крупская жили на даче Книповича в Финляндии. Его старшая сестра Ли-

дия (1856—1920) была еще более активным участником революционного движения. В феврале 1897 г. она обратилась к другу Вернадского Корнилову (в то время чиновнику по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири) с просьбой помочь перевести куда-нибудь в более благоприятную местность отправленного на три года в ссылку в суровые сибирские места слабого здоровьем помощника присяжного поверенного — Владимира Ульянова [14]. Просьба была Корниловым удовлетворена, и Ульянов отбывал ссылку в Минусинском округе — одном из южных районов Красноярского края. Еще один упомянутый Вернадским студент-правовед — Николай Николаевич Шнитников (1861—1934) — в течение многих лет служил присяжным поверенным округа Петербургской судебной палаты. Член бюро учредительного съезда Партии конституционных демократов (1905), он впоследствии сместился на левый фланг освободительного движения, а А.Ф.Керенский даже хотел в 1917 г. сделать его своим заместителем по Министерству юстиции. Шнитников оказался единственным из приятелей молодого Вернадского, кто после Октябрьской революции эмигрировал (в США).

Как видно из этого краткого обзора, траектории развития профессиональной и общественной деятельности Вернадского и его товарищей уже с начала студенческих лет стали кардинально отличаться от столыпинской. Неудивительно, что со временем они разойдутся окончательно. Однако стоит обратить внимание на то, что на старте университетской жизни у молодых людей были общие интересы и приоритеты, общие преподаватели и общая среда общения — все то, что в ус-

А.Н.Краснов, географ, основатель Батумского ботанического сада, друг Вернадского с гимназических лет.

А.А.Корнилов, общественный деятель, член ЦК Кадетской партии, друг семьи Вернадских.

ловиях Западной Европы и США помогало формированию команд политических единомышленников на многие годы. Но в условиях абсолютистской российской монархии долговременные политические команды возникали только в оппозиции. Властная верхушка по-прежнему предпочитала рекрутировать свое «управляющее меньшинство», опираясь на родственные связи. Между тем и в среде высшей российской бюрократии находились люди, которые стремились развивать и поддерживать горизонтальные связи между различными группами российской элиты и позиционировали себя, выражаясь современным языком, как коммуникаторов.

Одним из них был ближайший сподвижник премьера Столыпина Сергей Ефимович Крыжановский (1862—1935). В юности он, как и Вернадский, входил в Ольденбургский кружок и Братство, но уже в студенческие годы мечтал о государственной карьере. Так, одно из писем Корнилову он шуточно подписал: «Юрист 1-го курса — будущий министр юстиции» [15]. Корнилов вспоминал о нем: «Умный, энергичный и честолюбивый. Он был от природы добрый. Хороший товарищ. Несомненно, он понимал много больше, чем окружающие его правые и придворные. Элементы цинизма и правильного скептицизма в моральной силе окружающих, больше того, у него было недоверие в добрую природу человека, которое характеризует и Победоносцева, и Витте...» [16]. Товарищ министра внутренних дел в 1906—1911 гг., Крыжановский стал правой рукой Столыпина, автором многих важнейших законодательных актов, вносившихся премьером. Одновременно он не терял связей и контактов со старыми друзьями,

Семья Вернадских в Полтаве. Справа налево — Владимир Иванович, дочь Нина, Наталья Егоровна, Павел Егорович Старицкий (брат Натальи Егоровны), сын Георгий. 1890 г.

подавляющее большинство которых принадлежали стану кадетской оппозиции.

20 января 1906 г. был арестован сын Вернадского Георгий, студент Московского университета. Он участвовал в антиправительственной пропаганде среди крестьян в столовых, открытых его отцом в Моршанском уезде Тамбовской губернии в помощь голодающим. Вернадский-старший сначала направил телеграмму протеста министру внутренних дел П.Н.Дурново, а вслед за этим выехал в Петербург, где 1 февраля 1906 г. встретился с Крыжановским. Старый друг немедленно начал помогать: «Он очень сердечно и хорошо ко всему отнесся», — сообщал ученый жене [4]. Впоследствии он вспоминал, что Крыжановский «через Дурново быстро освободил Георгия. Он до известной степени поручился за него — “грехи молодости”, что в действительности и было». Параллельно Вернадскому обещали вмешаться в «Моршанское дело» сам премьер-министр Витте и министр внутренних дел Дурново. В итоге в письме жене Вернадский констатировал: «Георгий выпущен, кажется, вне всяких правил, с полным нарушением бюрократизма, по-видимому, на мою личную ответственность» [4].

Интересно, что в развивавшемся параллельно деле братьев Каменецких использовался тот же механизм старых университетских связей. Владимир (р. 1881) и Сергей (р. 1885) Каменецкие были студентами соответственно историко-филологического и юридического факультетов Московского университета. Они происходили из небогатой дворянской семьи, и оба окончили известную 5-ю московскую классическую гимназию

(гимназию А.В.Адольфа) на Поварской, где учился и сын В.И.Вернадского Георгий. Возможно, именно это обстоятельство объясняет то, что почти сразу после ареста братьев в январе 1906 г. за участие в нелегальных общественных собраниях* их мать обратилась за помощью к жене профессора Вернадского Наталии Егоровне, которая в свою очередь просила о содействии Крыжановского. Вскоре он сообщил ей, что директор Департамента полиции обещал немедленно доложить это дело министру внутренних дел. Одновременно Крыжановский советовал, чтобы Вернадский лично написал об этом министру [7. Оп.7. Д.273а. Л.1—2], что, по-видимому, и было сделано.

Как мы знаем, ходатайство Вернадского было удовлетворено, но уже новым министром —

Столыпиным, который в условиях переговоров правительства и I Государственной думы посчитал нужным максимально далеко пойти навстречу просьбе влиятельного кадета и бывшего однокурсника. Мать братьев Каменецких сообщила Наталии Егоровне, что «их выпустили 20 мая, и младший сейчас же уехал за границу. Ему выдали паспорт без всяких затруднений, но потом вздумали заявить, что оба они лишаются права жить в столицах и отдаются под гласный надзор» [7. Оп.7. Д.237. Л.1—2]. В конце мая 1906 г. в Швейцарию отправился и старший брат, и вся семья стала жить там: «Поселились мы на Тунском озере, в Гунитене. Русских здесь масса. В расстоянии с часа ходьбы от нас, в Обергофене, оказались Игнатовы, Кржеминские, — не говоря уже о массе неизвестных и полужнакомых соотечественников» [7. Оп.7. Д.237. Л.1—2].

Стоит отметить, что вынужденная альпийская «ссылка» Сергея и Владимира оказалась недолгой. В сентябре 1907 г. ректор Московского университета А.А.Мануйлов отправил московскому градоначальнику расписки братьев о том, что они впредь не будут принимать участие в нелегальных акциях [17. Оп.315. Д.388. Л.26]. Уже с декабря Сергей Каменецкий приступил к занятиям в университете, который окончил в 1909 г. с дипломом 2-й

* Родные объясняли участие братьев в студенческом движении ошибками молодости, но, судя по архивным документам, еще в гимназии Сергей отличался бунтарским поведением и многократно был наказан сидением в карцере за «дерзкие замечания» персоналу гимназии и постоянные опоздания к молитве [17. Оп.318. Д.487. Л.4].

степени. Владимир продолжал учиться там же до 1912 г. и был удостоен диплома 1-й степени. Несмотря на успешное окончание университета, он уехал в далекую среднеазиатскую Ферганскую область, где служил преподавателем в Кокандском коммерческом училище. Интересно, что в дальнейшем его профессиональная карьера совершила неожиданный поворот: в советские годы Владимир Каменецкий стал известным специалистом-картографом, в 1934 г. он вернулся в Московский университет уже в статусе заведующего кафедрой картографии. Кроме того, он возглавлял аналогичную кафедру в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (с 1929 г.), а также служил консультантом в Научно-издательском институте Большого советского атласа мира. Таким образом, прямое взаимодействие Вернадского и Столыпина сохранило для России выдающегося ученого. Скончался В.А.Каменецкий в 1947 г.

Через два года, 26 октября 1908 г., в эпоху жесточайшей политической реакции, Вернадский вновь обратился к Столыпину с просьбой об освобождении студентов Московского университета, приговоренных к тюремному заключению за участие в собрании студенческого либерального кружка «Новь». Поскольку ранее это письмо публиковалась с купюрами, приведем его полный текст:

«Милостивый Государь Петр Аркадьевич, Позволяя себе обратиться Ваше внимание на одно из последних распоряжений московского генерал-губернатора Гершельмана, которое близко касается университетской жизни [*зачеркнуто автором*: и, несмотря на то что по сравнению с ужасами, совершаемыми в наше время, кажется мелким, заслуживает серьезного внимания].

Вчера опубликован приказ по полиции, которым 21 студент нашего Университета приговорен к тюремному заключению без замены денежным штрафом. По словам московского градоначальника, мера эта исходит от генерала Гершельмана.

Поводом к такой мере наказания послужило следующее обстоятельство. Легальный, разрешенный Советом Университета студенческий кружок «Новь», состоящий главным образом из студентов, разделяющих взгляды Конституционно-демократической партии или близких к ним, в разгар университетских беспорядков, месяца полтора назад, не успев взять разрешение на собрание в университете и собравшись на частной квартире одного из студентов — Писарева (сына покойного известного и весьма уважаемого тульского земца Р.А.Писарева). Об этом они вывесили объявление в университете. На заседание явилась полиция, всех переписала, составила протокол, ничего преступного не нашла; после переписи студенты разошлись.

Кружок «Новь» собрался для обсуждения вопроса о борьбе с забастовкой. Меры полиции против них в то время казались странными для всех, знакомых с университетской жизнью. Они могли

объясняться ошибкой или неосведомленностью полиции. Но теперь прошло много времени, и вдруг эти студенты, являющиеся одной из лучших студенческих групп в нашем университете, приговорены к такой незаслуженной суровой каре. Два из них — Писарев и Ефимовский — приговорены среди учебного года на три месяца тюрьмы!, остальные на 10 дней. В числе этих последних находится сын ректора Мануйлова, Цуриков и другие — большей частью люди из так называемого московского общества.

Несомненно, генерал Гершельман формально имел возможность безнаказанно воспользоваться предоставленной ему властью. По чрезвычайной охране он может делать все что ему угодно. И, как известно и Вашему Высокопревосходительству, он не стесняется. И тем не менее, это его решение является прямым злоупотреблением властью и проявлением каких-то едва ли могущих открыто и безнаказанно для авторитета власти высказанных соображений. Отчего он не ограничился денежным штрафом? Зачем это желание посадить молодежь, борющуюся с забастовкой, в тюрьму? Какое это имеет отношение с охраной порядка и законности?

Уважение к нынешнему генерал-губернатору в Москве и так невелико, злоупотребления Высочайше дарованной им властью совершаются им на каждом шагу, мы постоянно встречаемся с полной безнаказанностью местной власти за ее действия, и тем не менее привыкнуть к этому нельзя. Всякое новое, хотя бы формально правильное, но по существу ненужное и для государства вредное проявление чрезвычайной охраны вызывает раздражение и негодование. Всегда остается надежда, что хотя оно вызовет наконец-то проявление контроля высшей власти, которой по закону подчинен генерал-губернатор, и история в этом отношении молчит.

Я не знаю, имеете ли Вы фактически возможность повлиять на решение московского генерал-губернатора или он является в этой области своей деятельности совершенно независимым от Вашего Высокопревосходительства. Но по закону он подчинен министру внутренних дел, и я позволяю себе надеяться, что Вы войдете в это дело и, если не найдете возможным совершенно прекратить взыскание, измените форму взыскания на более разумную и менее жестокую. С совершенным почтением и преданностью Честь имею быть Вашего Высокопревосходительства Покорный слуга В.И.Вернадский» [7. Ф.518. Оп.3. Д.2009. Л.1].

Пока не удалось найти прямых сведений, чем же закончилась эта история, однако тишина источников скорее всего указывает, что и на этот раз министр Столыпин выполнил просьбу своего бывшего студенческого приятеля и арестованные студенты вскоре оказались на свободе, где и продолжили свою антиправительственную деятельность.

Наконец, последнее упоминание имени Столыпина в дореволюционных дневниках Вернадского относится к 15 февраля 1910 г. и снова связано с освобождением молодых оппозиционеров: «Завтракал Б.Н.Черненко, сын Н.Н. Студент, выбитый из колеи. Очень милый. Ищет работы. Мне в первое время Г[осударственной] д[умы] удалось через Столыпина его выцарапать» [7. Оп.2. Д.8. Л.27].

Легко представить, что обстоятельства российской действительности еще неоднократно вынуждали бы университетского профессора просить за студентов, но в феврале 1911 г. Вернадский покинул Московский университет, в марте 1911 г. выбыл из состава Госсовета, а в сентябре того же года Столыпин был убит агентом охранки.

Поколение Вернадского и Столыпина — поколение тех граждан Российской империи, юность которых пришлась на годы правления императора Александра II Освободителя (1818—1881), молодость — на царствование Александра III Миротворца (1845—1894), а зрелые годы — на начало эпохи мировых войн и революций. Это поколение, невероятно щедро одаренное природой лидерами, пророками и деятелями, имело уникаль-

ный исторический шанс построить новую, «великую Россию», но не реализовало его и, напротив, стало участником и свидетелем краха Российской империи.

Гибель Столыпина была предвестником этого краха, ибо показала, что самый тип политика и политики, продолжавших опираться прежде всего на вертикаль семейно-родственных и клановых связей, а не на поддержку общества в виде социальных, общественно-политических и корпоративных институтов, уже нежизнеспособен. Опыт эпистолярного общения Петра Столыпина с бывшим университетским приятелем Владимиром Вернадским показывает, что премьер, кажется, понимал это и стремился восстановить личные связи с организованной оппозицией. Но ее лидеры отвергли протянутую руку. Почти полвека спустя, в 1951 г., читая переписку Л.Н.Толстого с П.А.Столыпиным, графиня С.В.Панина заметила: «...как все трагично: вот тебе три абсолютно честных, благородных и самоотверженных человека — Толстой, Столыпин, Родичев — а общего языка нет, и нет во имя той же родины, которой они тысячу раз были готовы отдать свои жизни. И это Олимп, в самом лучшем смысле этого слова» [18]. ■

Литература

1. П.А.Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 95—98.
2. Сорокина М.Ю. Премьер Столыпин: «Примите уверение в совершенном моем уважении...» // Природа. 2005. №2. С.68.
3. В.И.Вернадский: Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. №5. С.79—80.
4. Сорокина М.Ю. Вернадский глазами царской охранки // Природа. 2003. №11. С.66—70.
5. Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. №5. С.118.
6. 1905 год глазами Владимира Вернадского / Публ. М.Ю. Сорокиной // Источник. 2000. №5. С.17—27.
7. Архив Российской академии наук. Ф.518.
8. Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну: Русская наука в 1929 г. / Публ. К.К. [Г.Г.Суперфин] // Минувшее: Исторический альманах. Вып.7. Париж, 1989. С.444—445.
9. Страницы автобиографии В.И.Вернадского / Сост. Н.В.Филиппова. М., 1981. С.54.
10. Вернадский В.И. Публицистические статьи / Сост. В.П.Волков. М., 1995.
11. Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской: 1901—1908 / Сост. Н.В.Филиппова. М., 2003. С.227—228.
12. Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской: 1909—1940 / Сост. Н.В.Филиппова, В.С.Чесноков. М., 2007.
13. Вернадский В.И. Дневники 1935—1941 / Сост. В.П.Волков. Кн.1. М., 2006. С.288.
14. Корнилов А.А. Воспоминания / Публ. и коммент. М.Ю.Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. Париж, 1991. С.110.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5102. Оп.1. Д.651. Л.2об.
16. Корнилов А.А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1914. №8.
17. Центральный исторический архив Москвы. Ф.418.
18. Письма С.В.Паниной к А.М.Петрункевич / Вступ. заметка, подгот. текста и публ. Л.А.Мнухина // Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871—1957). М., 2012. С.110.